

ПРИЛОЖЕНИЕ

къ № 22-му

Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Страничка изъ дневника священника.

На моихъ рукахъ тяжело больная. Дни ея сочтены. „Галопирующій“ туберкулезъ съ яростью добываетъ свою жертву. Больная эта—самый близкій мнѣ, дорогой человекъ. Жизни своей я не пожалѣлъ бы, что бы возродить умирающихъ, что бы мать вернуть къ ея семерымъ дѣткамъ...

Нужно, по крайней мѣрѣ, послѣдніе дни отживающей обетавить возможно лучшими условіями, что бы страданія ея свести къ возможному минимуму.

Въ этотъ трагическій моментъ моей жизни судьба подстерегала меня въ одномъ захолустномъ городкѣ—достаточно грязномъ и пыльномъ. Больная задыхалась, просилась на курорты въ Алтай. Но о сколько-ниб. продолжительномъ путешествіи въ экипажѣ и думать было нечего.

Положеніе мое было безвыходнымъ. Изъ города нужно было выбираться. Но куда?

По счастью вспомнилъ я, что близъ города, въ 3—4 верстахъ,—женскій монастырь. Мѣстоположеніе монастыря мнѣ хорошо извѣстно. Въ дни далекаго дѣтства, когда здѣсь еще не было монастыря, семья наша, лѣтомъ, охотно наѣзжала сюда съ чаемъ. Вспомнилъ я эти чудныя тополевыя рощи, этотъ густой березнякъ, перемѣшавшійся съ молодымъ соснякомъ, изобиловавшій когда-то земляникой, цвѣтами, грибами...

Вотъ куда намъ нужно перебраться, въ монастырь! Здѣсь и воздухъ—чистъ и квартира для насъ найдется, а главное—люди здѣсь христіански настроенныя: обвѣютъ они насъ, изнемогающихъ подъ тяжестью страданій, тепломъ и лаской.

Да и кто знаетъ? Богъ не безъ милости. Переѣзна мѣста можетъ быть благопріятно повліяетъ и на теченіе болѣзни.

Необходимо поскорѣе повидаться съ игуменьей монастыря.

Не скрою, не безъ тревоги я вступилъ въ скромную квартиру игуменіи Ираиды. Какъ-то невольно всплыло въ моемъ сознаніи все, что приходилось читать въ свѣтской литературѣ противъ монастырей, обитатели которыхъ, будто-бы, эгоистично отвернулись отъ міра—юдоли скорби и печали и подъ личиной сомнительныхъ подвиговъ аскетизма ушли въ скорлупу святого и безпечальнаго существованія...

Но вотъ и мать Ираида, Разговоръ былъ краткій. Оказалось, что и она укрылась въ тихую обитель отъ бурь и невзгодъ житейскихъ. Легко поняла матушка и мое горе. Безъ труда нашлось въ монастырѣ для насъ и особое помѣщеніе и сестра—сидѣлка къ больной.

Собрались мы съ больной въ путь—дорогу. Пріѣхали. Отвели намъ двѣ чистенькихъ комнатки въ домикѣ-особнякѣ. И сидѣлка явилась...

Моя бѣдная Фаня не нарадуется переѣзѣ мѣста: и дышется ей легко, и въ квартирѣ у насъ уютно и планы разные въ головѣ ея роятся—выздоровленіе скорое несомѣнно, а тамъ и возвращеніе домой, къ дѣтямъ...

Славно намъ зажилося здѣсь съ перваго-же дня! Еще бы! Смотришь: вотъ и матушка идетъ къ намъ, поговорить съ больной, утѣшить, просфорочку принесетъ... А то и сестры честныя—одна за другой идутъ: поговорятъ, въ простотѣ сердца, пожалѣютъ насъ,—ягодъ, цвѣтовъ принесутъ. А намъ, глядь, веселѣе и легче станеть.

А сидѣлка сестра—Дуняша!—Малороссіянка. Съ особымъ малороссійскимъ юморомъ на устахъ. Ласковая, терпѣливая. Въ дѣлѣ ухода за больными она уже не новичекъ. Въ Россіи много лѣтъ она служила сидѣлкой въ земской больницѣ. Какъ-то

просто Дуняша дѣлаетъ свое дѣло. Ровно бы и не подвигъ она совершаетъ безкорыстно, только изъ послушанія ухаживая за больной, отъ которой, если вѣрить наукѣ, такъ легко можно заразиться. А она: поворачиваетъ больную, возьметъ да и поцѣлуетъ ее: „милая ты моя!“—дескать. И создается около больной какая-то особенная, радостная атмосфера—братской любви, христіанскаго подвига...

И думается мнѣ: нѣтъ не мертвыя, „самодовлѣющія“ учрежденія монастыри, если они строимъ своей жизни умѣютъ создавать такихъ людей, какъ вотъ. хотя бы эта сестра—Дуняша!...

Какъ ни хорошо намъ жилось подъ сѣнью обители святой, однако болѣзнь взяла свое. Въ одно лѣтнее, ясное утро, когда звонили къ монастырской обѣднѣ, моя страдальца опочила вѣчномъ сномъ...

Время идетъ. Острота горя переживается. Печальныя воспоминанія прошлаго создаются въ одну цѣльную картину, а на фонѣ этой картины обитель святая, съ ея насельниками, несущими въ скорбный міръ свое сердце, готовое на христіанскій подвигъ любви для ближняго.

Священникъ Г. Д.

Письмо о. Ректору отъ молодого іерея.

Достоуважаемый о. Ректоръ!

Спѣшу братски привѣтствовать Васъ, Вашу домъ и то учебное заведеніе, въ которомъ я пригрѣвался въ продолженіи 7 лѣтъ.

Съ невольною радостію я вспоминаю милыя годы моего юношескаго возраста и годы науки!

Особенно часто вспоминаю и не рѣдко со слезами на глазахъ послѣдній годъ моего образованія.

О, съ какимъ бы удовольствіемъ, о. Ректоръ, я посидѣлъ на урокахъ Св. Писанія, послушалъ бы горячія, задушевныя бесѣды и еще многому поучился бы!

Еще жажду образованія; жажду и жаждаю буду всегда.

А поэтому, если невозможно этому быть благодаря ускользнувшей порѣ; если невозможно слушать и учиться тамъ, то не откажитесь, хотя письменно, да побесѣдовать со мной, бывшимъ Вашимъ питомцемъ и послѣдователемъ Вашихъ взглядовъ на жизнь!

Я часто вспоминаю о Семинаріи, о трудахъ, преобразованіяхъ, пожеланіяхъ на пользу Томской Духовной Семинаріи. Дай Богъ, чтобы все осуществилось такъ какъ желается.

Доброе сѣмя гдѣ-нибудь да взойдетъ!..

Часто, говорю, вспоминаю Семинарію часто.

Да поможетъ Вамъ Господь устроить эту школу! Вспоминая Семинарію, я ободряюсь въ дѣлѣ своего пастырства, часто непосильнаго по своимъ трудамъ.

Имѣя примѣры проповѣдниковъ импровизаторовъ, я, помня совѣты, руководясь ими, твердо выступилъ съ импровизированною проповѣдію. Слово на вступленіе на паству,—было первое, горячее, живое.

Теперь выступаю съ импровизаціей всегда!

Совѣтую семинаристамъ приналечь на импровизаціи проповѣдей своихъ. Оказывается—это великая сила, это не то, что читать по книгѣ или по тетрадкѣ. Весь сосредоточиваешься въ народѣ и народъ въ тебѣ.

Мнѣ хотѣлось бы знать, какія нововведенія сейчасъ въ Семинаріи и на сколько она еще облагородилась? Каковы труды и успѣхи ихъ?

Теперь я сообщу Вамъ кое что о себѣ и о своей пастырской дѣятельности.

Въ с. Быструхинское я пріѣхалъ 24 сентября.

Село это расположено на степной мѣстности, на р. Карасукѣ Рѣчка не очень большая, солонцеватая. Воду для питья приходится брать изъ колодцевъ.

Лѣсу, кромѣ березника никакого нѣтъ.

Домъ, когда я пріѣхалъ, былъ не управленъ: грязный, холодный: пришлось жить недѣлю у псаломщика.

Церковь по плану церковь—школа. Церковь принялъ по описи, сдѣланной мной же, отъ самаго благочиннаго о. Евфимія

Лзбукина, который между прочимъ произвелъ на меня очень хорошее первое впечатлѣніе. Онъ человѣкъ дѣла, но и буквы.—Формалистъ въ смыслѣ истоваго богослуженія. Церковь очень бѣдная: я принялъ отъ благочиннаго только 25 рублей церковныхъ денегъ.

Школа есть, но не устроенная и то „школа грамоты“. Учитель съ школьнымъ образованіемъ. Школа на квартирѣ. Хлопочу, чтобы прихожане сдѣлали школу хорошую. Въ школѣ по воскреснымъ днямъ устраиваю религиозно-нравственныя чтенія и собесѣдованія. Народъ заинтересованъ ими.

Жаль только: книгъ подходящихъ мало имѣю...

Общество здѣсь небольшое: учитель, семейный псаломщикъ и только. Народъ все россійскій, сборный изъ 13 губерній. Добрый, но мало подвижный и предприимчивый.

Царить здѣсь тишина и мракъ. У Васъ колоссальныя постройки,—а здѣсь хибарки съ соломенными крышами.

У Васъ шумныя улицы,—здѣсь пустынь.

За то у Васъ большая безнравственность въ горожанахъ,—здѣсь нравственная чистота!

Душевно я спокоенъ здѣсь: нѣтъ тѣхъ соблазновъ, какіе можно встрѣтить въ городѣ.

Все чаруетъ меня здѣсь, только одно плохо, что почта очень рѣдко ходитъ—разъ къ мѣсяцъ. Не знаешь что дѣлается въ свѣтѣ!... Волость отъ меня въ 75 верстахъ. Впрочемъ и это послѣднее не долгое горе: въ январѣ мѣсяцѣ будетъ новая волость въ 15 верстахъ отъ насъ въ с. Алексѣевскомъ; наше село приписывается къ ней. Тогда можно ожить!... Ну будьте здоровы, желаю Вамъ всего хорошаго въ Вашей жизни и дѣятельности. Если не обременительно будетъ Вамъ, то когда нибудь черкните мнѣ, бывшему питомцу, заброшенному, въ этотъ темный уголокъ нашей Сибири. Поклонъ питомцамъ Вашимъ VI—камъ.

Остаюсь преданный Вамъ

Священникъ И. Б.

Первая неудача японцевъ подѣ П.-Артуромъ.

Состоящій при осадной японской арміи корреспондентъ „Daily Mail“, которому до сихъ поръ не было позволено телеграфировать, посылаетъ свою первую телеграмму о ходѣ осадныхъ операций подѣ Портъ-Артуромъ.

„10-го августа,—говоритъ корреспондентъ,—не было важныхъ пѣхотныхъ операций, и ходили слухи, что у японцевъ недостаетъ боевыхъ припасовъ, хотя артиллерійскій огонь все-таки поддерживался.

Японцы ночью разработали и подготовили сильную атаку на всю линію укрѣпленій. Она должна была начаться до разсвѣта.

Генераль Стессель, предвидя это и чувствуя о необходимость разрушить японскіе планы, а также ободрить свои войска энергичнымъ наступленіемъ, далъ приказъ сдѣлать вылазку въ широкомъ размѣрѣ въ 11 часовъ вечера.

Японцы были отѣснены съ Вантайскаго форта и за форты Панлунга, причемъ скорострѣльные русскія орудія нанесли имъ тяжелые потери. Пользуясь этимъ, русскіе атаковали японцевъ отѣснивъ ихъ къ пункту вблизи желѣзной дороги, гдѣ низкій горный кряжъ представлялъ удобную позицію для сопротивленія. Здѣсь произошла ожесточенная битва, отличавшаяся артиллерійской стрѣльбой, еще до сихъ поръ невиданной. Гулъ орудій былъ иногда такъ силенъ, что трескотня ружей исчезала въ ихъ ужасномъ ревѣ.

Но многочисленныя подкрѣпленія подошли къ японцамъ, и русская атака была отбита въ 1 час. ночи, а атакующіе были принуждены медленно отступить за прикрытіями назадъ. Японцы съ троекратнымъ крикомъ „банзай“ начали преслѣдованіе, но имъ не удалось взять снова свои прежнія позиціи за пунлунгскими фортами.

Японское правое крыло атаковало въ 3 часа ночи траншеи, выдвинутыя у подноженія Этсешана. У русскихъ здѣсь были прожекторы, приведенные въ дѣйствиіе, что заставляло японцевъ наступать весьма осторожно, такъ какъ они боялись какой нибудь хитрости со стороны русскихъ.

Однако, ломающіяся гранаты, какъ оказалось, сдѣлали работу прожекторовъ не достигающей цѣли, и русскіе, по мнѣнію японцевъ, должны были стрѣлять наугадъ. Пользуясь наступившей темнотой, японцы неосторожно кинулись впередъ и приблизились на 600 или 800 ярдовъ къ русскимъ. Послѣдніе, внезапно сконцентрировавъ снопы свѣта отъ трехъ прожекторовъ на непріятелѣ, залили ихъ цѣлымъ потокомъ убійственного огня; изъ ружей и скорострѣльныхъ пушекъ. Когда японцы попытались воспользоваться съ своей стороны огнемъ скорострѣльныхъ пушекъ, то ихъ мѣстонахожденіе было моментально обнаружено посредствомъ особыхъ освѣщающихъ мѣстность гранатъ, и вслѣдъ за этимъ на нихъ были наведены прожекторы, ослѣпившіе стоявшихъ около нихъ японцевъ, въ то время какъ русскій огонь былъ сконцентрированъ въ этомъ же направленіи и заставилъ враговъ поспѣшно отступить.

Послѣдующія, болѣе слабыя атаки постигла та-же участь атака лѣваго крыла на сѣверный Кикваншанъ не удалась по той-же причинѣ. У русскихъ было въ общемъ семь прожекторовъ и безчисленное множество свѣтовыхъ гранатъ, освѣщавшихъ все поле битвы, дѣлая ночныя атаки еще болѣе трудными, чѣмъ дневныя,—вслѣдствіе ослѣпляющаго и приводящаго въ замѣшательство яркаго искусственнаго свѣта.

Неудача, постигшая эту генеральную атаку, была первой серьезной неудачей, понесенной японцами въ эту войну и она въ широкой мѣрѣ обязана употребленію русскими прожекторовъ, великолѣпныхъ скорострѣльныхъ пушекъ Викерса-Максима, а также низкой оцѣнкѣ со стороны японцевъ портъ-артурскихъ укрѣпленій, способностей генерала Стесселя и русской стойкости.

Осаждавшіе потеряла 14,000 человекъ. Одинъ полкъ былъ уничтоженъ совсѣмъ, за исключеніемъ 6 офицеровъ и 208 солдатъ.

Японцы первые дни послѣ понесенной неудачи казались совсѣмъ смущенными. Они вѣрили въ то, что возьмутъ Портъ-Артуръ прямымъ штурмомъ въ нѣсколько дней.

Рус. Лис. 10

— Какъ и почему война превращаетъ зауряднаго русскаго мужика съ его вѣковой забитостью въ героя? Этого небезынтереснаго психологическаго вопроса касается г. Сѣверянинъ въ „Русск. Вѣд.“. Авторъ ищетъ отвѣта на него.

Въ сопоставленіи тѣхъ условій, нравственныхъ и матеріальныхъ, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ забитый судьбой крестьянинъ и удивляющій весь міръ своей стойкостью, удалью и храбростью солдатъ, въ самомъ дѣлѣ, живетъ какой нибудь крестьянинъ въ деревнѣ: его гнететъ нужда; всѣ его усилія, каждая минута его одвообразнаго, неустаннаго труда направлены исключительно на то, чтобы охранять себя и семью отъ голодовки и уплатить висящіи надъ нимъ подати; на войнѣ-же, удаленный отъ этихъ заботъ, онъ каждый день живетъ среди новыхъ, неожиданныхъ, будящихъ мысль глубокихъ впечатлѣній. Въ родной деревнѣ вся жизнь складывается такъ, что кромѣ узкихъ потребностей своего двора и—въ рѣдкихъ случаяхъ—своего поселка ему ни о какихъ другихъ дѣлахъ и думать-то не приходится, самостоятельный-же интересъ къ болѣе широкимъ сферамъ общественной и государственной жизни въ немъ не развивается. На войнѣ же ему всѣ говорятъ, что онъ—защитникъ отечества, что въ качествѣ такового онъ достоинъ глубокаго уваженія со стороны всѣхъ окружающихъ. И забытая, приниженная личность пахаря растетъ параллельно тому, какъ расширяются его кругозоръ, его интересы, параллельно тому, какъ онъ начинаетъ смотрѣть на себя не только какъ на крестьянина такого-то села и такой-то волости, а какъ на истиннаго сына своей родины, призваннаго всѣми силами своей мысли и своей души стать на ея защиту. Растетъ его личность, растетъ его самоуваженіе, а вмѣстѣ съ ними растутъ его силы и его энергія, и весь міръ удивляется дѣламъ его.

Но неужели-же строгія вѣдѣнія судьбы опредѣлили, чтобы только среди ужасовъ кровавыхъ столкновений находилъ русскій пахарь условія для широкаго и мощнаго развитія своей личности? Не время-ли подумать о томъ, чтобы и тогда, когда смолкнетъ громъ пушекъ, этому развитію были предоставлены свободныя—болѣе нормальные пути, чѣмъ пути войны? Направ-

леніе, въ которомъ должна идти работа для расчистки этихъ путей, нетрудно указать и теперь: расширеніе умственныхъ интересовъ, принятіе всѣхъ мѣръ къ полному свободному ихъ удовлетворенію, побольше искренняго, въ жизнь проникающаго уваженія къ личности гражданина, забота объ устраненіи гнета матеріальной нужды надъ массами. И если-бы намъ удалось достигнуть въ этихъ трехъ направленіяхъ хоть нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ, то созидательныя и душевныя силы русскаго народа, развернулись бы въ ихъ полную ширь.

ТОКИО, 4 ноября (черезъ Берлинъ). Въ японскомъ военномъ министерствѣ за истекшія четыре недѣли царитъ крайне напряженная дѣятельность; повидимому, желаютъ сдѣлать все возможное, чтобы выставить противовѣсъ громаднымъ русскимъ подкрѣпленіямъ, находящимся, какъ нынѣ извѣстно, на пути къ театру военныхъ дѣйствій. Со времени люоянскихъ боевъ на континентъ отправлены 7-я и 8-я, одна формозская и двѣ резервныхъ дивизіи. Привлеченіе войскъ изъ артурской осадной арміи къ главнымъ силамъ маршала Ойямы было лишь временнымъ; въ настоящее время армія Ноги подъ Артуромъ вновь доведена до прежней численности, въ семьдесятъ тысячъ, путемъ привлеченія запасныхъ. Ядро осадной арміи, какъ и прежде, составляютъ 1-я, 9-я и 11-я дивизіи, хотя отдѣльные полки, входящіе въ составъ этихъ дивизій, уже потеряли до ста % личнаго состава офицеровъ.

ПАРИЖЪ. Русскіе моряки „Варяга“ были приняты русскимъ посломъ и его супругой. Послѣ пріема имъ былъ предложенъ въ помѣщеніи посольства обѣдъ; послѣ обѣда моряки отправились въ русскую церковь. Послѣ полудня они осматривали достопримѣчательности Парижа; въ 11 часовъ вечера назначенъ отъездъ въ Петербургъ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. На приглашеніе къ участию въ Гаагской конференціи Порты отвѣтила, что будетъ руководствоваться рѣшеніями остальныхъ державъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Съ 26-го октября по 3 ноября наибольшее число заболѣваній холерой наблюдалось на Кавказѣ, въ Эриванской и Бакинской губерніяхъ; въ Самарской и остальныхъ пораженныхъ холерой мѣстностяхъ были обнаружены единичные случаи. Въ Астрахани и Саратовѣ въ указанный періодъ холерныхъ заболѣваній не было; въ Закаспійской области наблюдались 3 случая заболѣваній холерой.

БУДАПЕШТЪ. Въ вечернемъ засѣданіи палаты депутатовъ произошли дикія, бурныя сцены. Послѣ принятія предложенія о введеніи въ дѣйствіе временнаго порядка геденія дѣлъ въ палатѣ, президентъ прочелъ королевскій рескриптъ объ отсрочкѣ засѣданій палаты.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Всеподданнѣйшая телеграмма генераль-адъютанта Стесселя на имя Его Императорскаго Величества, отъ 20 октября: Счастливъ донести Вашему Императорскому Величеству, что всѣ штурмы, начиная съ 12 по 20 число, доблестью войскъ отбиты. Самый ужасный приступъ былъ 17 октября, но ударомъ въ штыки резервовъ и доблестью стрѣлковъ врагъ повсемѣстно опрокинутъ. Японцы въ этотъ день не повторили штурма; масса ихъ тѣлъ не убрана. 18 октября противникъ два раза бросался на штурмъ, въ 4 и 9 часовъ по полудни, но оба раза былъ отбитъ штыками и пирокселиновыми шашками.

Генеральнаго штаба подполковникъ Юлшинъ, только что оправившійся отъ трехъ ранъ, вновь очень тяжело раненъ осколками бомбы въ руку и ногу, съ раздробленіемъ костей. Духъ войскъ геройскій; трудно назвать отличившихся,—всѣ герои; но считаю долгомъ отмѣтить генераловъ: Кондратенко, Никитина и Горбатовскаго, кои наиболѣе потрудились; затѣмъ полковника инженера Григоренко, подполковника Юлшина, подполковника Ирмана, подполковника инженера Рашевскаго, подполковника Гандурина, капитана Рѣзанова, штабсъ-капитана Булгасова, поручиковъ: Мызлова, Фролова, Бурневича Дебогаріанъ и Кривича, штабсъ-капитана Смирнова.

Стрѣльба по крѣпости и по форту идетъ непрерывная, но послѣ отбитія самыхъ грозныхъ изъ всѣхъ бывшихъ штурмовъ,

продолжавшихся девять дней, подъемъ духа у насъ огромный. Медицинскій персоналъ работаетъ выше всякой похвалы и благодарности: наши славные хирурги, подъ руководствомъ Гюббенета, совершаютъ чудеса. Егермейстеру двора Вашего Императорскаго Величества мы все обязаны чувствами безпредѣльной благодарности. Своимъ присутствіемъ на самыхъ опасныхъ перевязочныхъ пунктахъ и на позиціяхъ онъ постоянно возвышаетъ духъ защитниковъ. Потери японцевъ очень велики: китайцы опредѣляютъ ихъ отъ семи до десяти тысячъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Всеподданиѣйшая телеграмма генераль-адъютанта Куропаткина на имя Его Императорскаго Величества, отъ 4-го ноября: Донесеній о боевыхъ столкновеніяхъ съ противникомъ 4-го сего ноября не поступало. Въ теченіи 3 и 4 ноября я объѣхалъ позиціи и осмотрѣлъ нѣкоторыя войска; мѣстами между нами и японцами разстоянія 400 шаговъ. Морозы по ночамъ свыше 10 градусовъ. Полушубки подвезены, продовольствіемъ войска вполне обеспечены. Я нашелъ войска, не смотря на тяжелую службу въ виду близости противника, бодрыми и съ весьма незначительнымъ числомъ заболѣваній. Объ изложенномъ Всеподданиѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству.

— Телеграмма генераль-лейтенанта Сахарова въ Главный Штабъ, отъ 5-го ноября: 2-го ноября былъ произведенъ поискъ въ направленіи на Мамыкай и Чатаицзы, на правомъ берегу рѣки Хуньхе. Противникъ оказалъ сопровленіе, но былъ выбитъ изъ обохъ селеній. Читавцзы были сожжены; наши потери два убитыхъ и пять раненыхъ нижнихъ чиновъ. 4-го ноября на разсвѣтѣ японцы въ превосходныхъ силахъ отѣснили казачью сотню, находившуюся у селенія Даниндушанъ (40 верстъ южнѣ Синцинтина).

ДАДЗЯПУ, 5 ноября (соб. корр.). Въ ночь на 5 ноября два батальона японцевъ атаковали рощу впереди Путиловской сопки, два раза кидались они въ атаку, но оба раза были отбиты съ большимъ урономъ. Противникомъ оставлено свыше ста труповъ; съ нашей стороны два стрѣлка убиты и пять ранено.

МУКДЕНЪ, 5 ноября (Аг. Рейтера). Ожесточенная артиллерійская канонада на правомъ русекомъ флангѣ началась на разсвѣтъ и продолжалась нѣсколько часовъ. Бомбардировка производилась съ перерывесивамъ день. Русскіе ожидаютъ общаго наступленія японцевъ.

ЧИФУ, 6 ноября (Аг. Гаваса). Экипажъ „Расторопнаго“ спасся на китайскій крейсеръ вслѣдствіе угрозы со стороны командировъ японскихъ миноносцевъ войти въ портъ и взять экипажъ въ плѣнъ.

ТОКИО, 6 ноября (Аг. Рейтера). Случай съ „Расторопнымъ“ возбуждаетъ снова въ острой формѣ вопросъ о нейтральности порта Чифу. Утверждаютъ, что входъ контръ-миноносца въ портъ при такихъ условіяхъ, какъ въ данномъ случаѣ, является военной операціей, слѣдовательно—явнымъ нарушеніемъ китайскаго нейтралитета; нѣкоторыя газеты требуютъ, чтобы японское правительство приняло энергичныя мѣры на случай, если бы пришли другія русскія суда.

Редакторъ прот. І. Панормовъ.

Цензоръ И. Новиковъ.

Томскъ. Тип. Епарх. Братства.

Дозв. ценз. 15 ноября 1904 г.